

Книготорговец Аллан Шенд наблюдает крушение Системы из комнаты над магазином. Он закрыт, но владелец спускается на первый этаж, ставит чайник и открывает дверь. Люди будут очень напуганы, а по своему опыту он знает, что они всегда чувствуют себя лучше, видя, что книжный магазин открыт.

Ник Харкуэй. Гномон

Глава 1

Это тебе не библиотека!

Кляп во рту размяк, его получилось выплюнуть. А из-за веревки любое движение рук мучительно. Работа Карла, он любит ставить в пустыне ловушки на мелких зверьков — смотрит, как их затягивает в капкан и как они бьются...

Дик заставляет себя пошевелиться и еле сдерживает рвотный позыв — по голове вдалили знатно. Наверное, сам хозяин. Дик осторожно встает на колени, затем перекатывается на бок и наконец садится, осматривается. Окон нет. Крыша сужается, к потолку тянутся провода. У стены моргает зеленый сигнал приема межзвездной Сети. Вот сейчас он мог бы написать, предупредить их! Но он связан, да и неизвестно, сколько времени потерял, валяясь тут безжизненным кулем.

Значит, он ничего не успеет исправить, снова все испортил, на этот раз окончательно. Если бы он вел себя тише, не задавал вопросов, не лез куда не надо... И если бы не... Дик хлопает себя связанными руками по бокам, не обращая внимания на новый приступ боли, в надежде нащупать... хотя знает, что сумку забрали. А значит, она пропала.

Пропало все. Дик заваливается на бок и прокручивает в голове события последних дней, когда еще можно было что-то исправить...

Дик бежит. Будто от этого зависит его жизнь, как будто в первый раз убегает от мальчишек, швыряющих в него камни. Сигнал у груди пульсирует, или, может, это вырывается наружу сердце. Главное — сигнал есть. А времени очень мало.

На холме он останавливается перевести дух и видит весь сектор от края до края. Зеленые шапки деревьев у западной стены густеют в подползающей темноте. Маленькие черные, похожие на насекомых фигурки людей тянутся с дальнего северного поля к общинному дому. В его окнах уже разливается равномерный оранжевый свет. Там мурчит генератор, готовят ужин. Позади, на юге, отдыхающая для будущих посадок земля, заботиться о которой — его работа. До восточной, самой ближней стены — только скотный двор и хозяйственные постройки, склад техники, вышедшей из строя. За стенами — песок. Горы песка. Моря песка. Там столько песка, что этот отвоеванный у пустыни кусочек земли сам кажется песчинкой.

Над горизонтом уже проступают созвездия. Сегодня ни одного реактивного следа не будет. Дик знает расписание космопорта наизусть и не задерживается, чтобы посмотреть на вечернее небо. Бежит, стирая пот с лица, оставляя грязные полосы. Вбегает в птичник, распугивает ударом хлипкой двери наседок, поднимает пятаю во втором ряду. Получает клювом по лбу, но успевает вытащить черный прямоугольник и устремляется с ним по опасной скрипучей лестнице в пристройку наверх, где, как ему кажется, сигнал лучше.

Ветер ревет сквозь щели. В маленькой темной комнатке нельзя встать во весь рост, а еще она вся провоняла куриным пометом, но Дик не обращает внимания на такие мелочи. Он садится на пол ровно по центру и включает планшет. Экран просыпается, в левом нижнем углу уже горит зеленым флажок коннекта. Рядом такой же красный предупреждает: канал связи зашифрован. За одно только это Штефан выбросит Дика обратно в пустыню, где нашел, как обещал уже не раз. Если застукают за тем, что он собрался сделать, эта угроза перестанет быть словами. А бояться Дик устал. Пора с этим покончить.

В черном окошке сообщений появляется россыпь белых букв: «Привет, старый друг». Дик перестает чувствовать ветер, играющий на позвонках. Он представляет себе, как за много световых лет отсюда кто-то очень близкий и очень далекий называет его другом и это слово преодолевает пространство, время и блокировки — чтобы он прочитал.

«Привет, старый друг! — отвечает Дик, буквы сообщения забегали по маленькому экрану. — Все готово. Завтра утром отправляюсь. Думаю, успею на конференцию».

Прямых рейсов в столицу с их захудалой планеты нет, но в космопорте всегда можно найти пилотов грузовых кораблей, которые за плату доставят его на какую-нибудь узловую станцию. Конференция через одну стандартную неделю. Если все пойдет по плану (и очень сильно повезет), Дик прибудет впрытик к началу. А дальше... Он позволит себе помечтать об этом позже, в пути. Сейчас нужно сосредоточиться на плане. Он проделал слишком длинный путь, чтобы сломать все какой-то непродуманной ерундой. Впереди одна цель — конференция. И его доклад, который все изменит.

Теперь странно вспоминать времена, когда Дик считал себя единственным, кого интересуется Земля. Это имя всегда пряталось на кромке его сознания тайной, которую нельзя называть. Он попробовал однажды, на уроке истории, но вместо ответа получил выволочку. «Земля — это сказка еретиков!» — произносил учитель с каждым ударом. Как будто мало было поводов над Диком поиздеваться: найденыш, слабак, а с тех пор еще и сказочник. Но потерянная родина людей — не просто сказка. Дик это знал. Он потратил годы осторожного изучения межзвездной Сети и однажды нашел тайный коридор в зашифрованный канал, где об этом говорили. Не как о сказке, а как об историческом факте, который почему-то предпочли забыть. Там Дик нашел ответы на многие вопросы, скопившиеся у него за годы. И даже больше. Друга. И пусть его (ее?) имя — всего лишь набор цифр и знаков, пущенный по лучу света за миллионы световых лет, как и имя самого Дика, этот человек для него ближе всех. Их объединяет нечто большее, чем место рождения или родственные связи. Они думают одинаково. Это ему (ей?) Дик хотел рассказать, что они не ошибались и у него есть доказательство. Дик собирался показать...

— Что ты делаешь?

Дик резко накрывает планшет, склоняясь к самому полу. В глазах расплывается яркий прямоугольник света. Он опять забыл про время, уйдя с головой в обсуждения.

— Что ты делаешь? — повторяют из тьмы, и на этот раз Дик выдыхает с облегчением.

Как она всегда умудряется появляться неожиданно?

— Опять с этими общаешься? Дик, мы с тобой сто раз это обсуждали.

— Привет, Анна.

Нечеткий силуэт стало видно в рассеянном свете. Планшет Дик отработанным движением прячет в рукаве.

— Нельзя верить всему, что пишут в зашифрованных каналах!

— Я общаюсь с друзьями, — пытается объяснить он. — Ничего криминального.

— Дик, ты даже не видел этих людей! Может, они провокаторы! Что им от тебя нужно?

— В том-то и дело, что ничего. Мы просто разговариваем. Делимся теориями. Научными.

— Знаю я твои научные теории. Выбросил бы ты это из головы.

Анна права: если слова Дика попадут в свободный поток в Сети, у него будут серьезные неприятности. У всей общины будут. Именно поэтому он должен представить свой доклад в метрополии. Та крошечная частичка сомнений, которая у него еще остается, должна либо исчезнуть, либо превратиться в ком ужаса, который поглотит Дика целиком. Но только его одного. Правду он узнает на месте. Отчего-то Дик уверен, что все будет хорошо, поэтому улыбается Анне. Он уже хорошо ее видит. Когда-то давно они приходили сюда прятаться от взрослых, поболтать и поиграть. Те времена давно позади.

— Ну что ты расселся? Ужин вот-вот начнется.

— Как, уже?

Сигнал обычно не держится долго, так что, когда он есть, Дик целиком погружается в информационный поток, пока связь снова не вырубается. Этого хватает на час-два, но в этот раз он явно засиделся.

— Добро пожаловать обратно в реальность!

Анна смеется, и на миг все становится как прежде. Дик спускается за ней и идет к общинному дому, окна которого

светятся теплом. Воздух кажется свежее обычного, а в небе уже заблистали звезды, которые он знает по именам. Скоро все это останется позади.

Когда Дик входит под своды дома, каждый раз застывает на миг. Одного взгляда на него достаточно, чтобы понять: он здесь чужой. Кожа у него нежная и шелушится от переизбытка солнца. Тело хрупкое. Полная противоположность коренастым смуглым фермерам с обветренными лицами. Дик не может привыкнуть к ломоте в костях и ноющим мышцам, к дневной жаре и ночному холоду, к внезапным бурям, смешивающим воедино небо и землю.

Какая жизнь у него была раньше, если эта дается с таким трудом? Дик не помнит. Он ничего о себе не помнит до того дня, как очнулся десять лет назад в доме старейшины. Штефан нашел его в пустыне, когда над Диком уже почти образовался песчаный бархан. Принес в общину и взял мальчика под свою опеку из жалости и какого-то... любопытства, что ли. Он свалился на них, будто с неба. Ни в одной из соседних фермерских общин не искали потерянного или убежавшего ребенка. Из дальних он бы никогда не добрался своими ногами — сторел бы, утонул бы в песках, дикие животные мгновенно растащили бы его останки. Истощенный и обезвоженный после нескольких дней в пустыне, Дик не мог произнести ничего, кроме своего имени. Осколок, уцелевший от прошлой жизни. И еще кое-что... Ради чего он и должен рискнуть. Больше он ничего не знал и не помнил.

Дик улыбнулся малышам, наперебой выкрикивающим: «Эй, нескладеха Дик, иди к нам!» Они всего лишь повторяют то, что говорят взрослые. Что ему не место за общим столом, ведь работник он никакой. С ним держатся вежливо,

раз один из старейшин когда-то пригрел найденьша у себя. Но никогда не дадут забыть, что он здесь чужак.

В центре дома, в пустом квадрате между столами, светится голографическое изображение трехмерного экрана. Красивая женщина в костюме по нездешней моде рассказывает о том, что случилось не здесь и не с ними, а по экрану проносятся кадры других планет Империи — таких далеких, словно и не такие же люди там живут. Раньше Дик обожал смотреть новости, заранее записанные для совместного просмотра за ужином. Это как заглядывать краешком глаза в другие миры, похожие на их, но чем-то неуловимо отличающиеся. Дик даже был слегка влюблен в вездущую, незаменимую Катрину, втайне мечтая, что ее мягкая улыбка предназначена только ему. Но со временем Дик заметил, что сюжеты повторяются, неотличимые от новостей их общины (что, где и сколько посеяли, сколько вывели скота, как прошли какие-то местные праздники — и все в таком роде), и ему стало казаться, что Катрина не договаривает что-то очень важное, что рассказать нужно было в первую очередь.

Когда Анна подходит к столу, люди на лавке двигаются, чтобы она под села к ним. Ее любят: она со всеми разговаривает и всем улыбается одинаково, каждому готова помочь. Анна привычно кивает Дику, мол, давай сюда. Ровесники нехотя сдвигаются еще, и так зная, что он усядется рядом со своей единственной подругой. Но Дик едва заметно качает головой и идет прямо к столу старейшин, над которым возвышается фигура Штефана. Ноги пружинят, как резиновые, но он должен преодолеть страх и сделать это прямо сейчас. Потом будет поздно.

Дик замечает, что десятки пар глаз провожают его, вокруг смолкают разговоры, соседи толкают друг друга локтями, мол, гляди, что творится. Дик проходит сквозь

голоэкран в центре зала, отчего картинка новостей на мгновение распадается, даже звук пропадает, выдавая необычную тишину столовой. Старейшины пытаются делать вид, что ничего странного не происходит. Только Штефан смотрит на него и хмурится. Впрочем, он всегда хмурится, когда его видит. Дик заставляет себя выпрямиться и произносит громко и четко, как репетировал:

— Старейшина Штефан, я хочу обратиться к вам с личной просьбой.

— Это не может подождать до окончания трапезы? — спрашивает Штефан с легким раздражением.

— Боюсь, нет.

Дик прекрасно знает, чем закончится разговор один на один, а при свидетелях шанс есть, особенно если соблюсти все приличия.

— Тогда слушаю тебя, Ричард.

— Я хочу попросить неделю отдыха. И получить свое жалование... за все годы, что работал на вас.

— Зачем?

— Сейчас нет срочных работ и далеко до сбора урожая, я успею вернуться с... отдыха. Я ведь никогда раньше ничего у вас не просил...

— Вопрос был «Зачем?».

Дик не ожидал, что согнется всего под одним вопросом старейшины — самым логичным, ожидаемым. Как вдруг знакомый голос произнес насмешливым шепотом, который слышали все:

— Дик хочет сгонять в метрополию, разузнать про свою «Землю»!

Он оборачивается на то место, которое не занял, и успевает заметить, как глаза Анны расширяются от изумления. Она не ожидала, что своей шуткой, которой, как всегда,

просто хотела разрядить обстановку, попадет в самую точку. И теперь могла прочитать это на его лице. Каждый мог.

— Это правда? — спрашивает Штефан. — Ты собрался лететь в метрополию? Для этого тебе нужны деньги?

— Да.

Врать он не умеет. Когда старейшина встает, Дику на мгновение кажется, что сейчас тот заденет головой потолок, хотя это, конечно, невозможно. Хозяин огромен, как пыльная туча, не толст, а именно огромен — мышцы ходят ходуном под рубашкой. От гнева, кажется, он стал больше. Штефан приковывает к себе взгляды, возвышаясь над Диком на три головы. В руках хозяина, словно из ниоткуда, появляется планшет, в котором, ходят слухи, содержится информация о каждой крошке зерна, что проросла из этой земли. Значит, каждая ошибка Дика тоже там.

— Что ж, обратимся к фактам, — подтверждает Штефан, открывая файл, и его содержимое, заменяя новости, немедленно оказывается на экране, поделенное на две колонки: приход и расход. — Твое жалование, да? Это вклад в общину, работа по силам для твоего возраста и... хм, интеллекта. Итак, начнем. Первое. В прошлом месяце ты чуть не затопил южные поля, потратив вдвое больше воды в сутки, чем требовалось, из-за чего мы все теперь сидим на удвоенном лимите.

Дик кожей чувствует взгляды, колющие его в спину ненавистью. С каждым проступком, называемым Штефаном, их сила как будто увеличивается, заставляя Дика вжимать голову в плечи. Он ничего не может поделать — только слушать. И наблюдать, как на экране колонка цифр в графе «Расход» увеличивается.

— Стоимость поломанных тобой инструментов превышает стоимость их ремонта, и я уж молчу о том, что ты тут ешь и спишь!

На экране возникает другая таблица, и Дик узнаёт ее. Это счет, на который он складывает все до последнего кредита. У каждого в общине есть такой счет в имперской валюте, но до сего дня Дику в голову не приходила мысль о том, что у старейшин, конечно же, есть к нему доступ! Одно нажатие кнопки — и все деньги, что Дик заработал за жизнь, перемещаются на другой счет — общины. Долг, который Штефан забрал.

Резкий хлопок по планшету — и цифры исчезают с экрана, вернув улыбку Катрины.

— На Кибеле празднуют юбилей полного снятия карантина с планеты! — радостно сообщает она. — Один из первых миров, полностью защитивший себя от космической чумы, добровольно передавший опасные для жизни материалы Инквизиции...

— Ты должен общине больше, чем от нее получил, — прерывает новости Штефан, повысив голос. — Мы дали тебе все: кров, работу, место, где приложить свои силы и ум! Но за все время здесь ты не проявил ни старания, ни усердия. И теперь решил, что можешь вот так оставить нас, не расплатившись? Этому не бывать.

— А все сказочки, которыми его накормили десять лет назад! — бурчит седой старейшина рядом с хозяином. — Не из-за них ли его тогда выкинули в пустыне?

Волна смеха пробегает по залу, и оттого, что в нем не слышится звонкого голоса Анны, Дику не легче.

— Я все равно улечу.

Он и сам не ожидал, что его голос прозвучит так громко.

— Разговор окончен, — произносит Штефан.

— ...траурные костры в память о жертвах эпидемии... — говорит Катрина.

Дик шагает сквозь нее, снова заставив умолкнуть.

Ветер забирается под рубаху и в волосы, мелкие крупинки песка оседают на теле. Песок здесь повсюду: в воздухе, в волосах, в постели, сколько ее ни перетряхивай. Для них земля — она под ногами. Требует к себе внимания, заботы, сил и упорства. Предки Анны укротили этот клочок, шаг за шагом отвоевывая у пустыни, и всю жизнь отстаивали его, завещав детям и внукам эту войну. Анна ее продолжит. Но не Дик. Это не его поле боя. И никогда не было.

Сильного ветра сегодня нет, значит, купол опускать не будут. Уютный свет окон и тепло остались позади. Но Дик ищет другие огни, рассыпанные в небе. Такие далекие и близкие, даже созвездия тут чужие. Может, его и правда вытолкнули в люк какого-то пролетающего мимо корабля?

— Прости.

Анна догоняет его и кладет руку на плечо, как раньше, в детстве. Когда мечтать еще было не запрещено.

— Я все равно улечу, — повторяет он.

— Ну и дурак, — отвечает она беззлобно.

— Анна, ну зачем я вам тут? Твой отец прав, я только все порчу.

— У тебя получится. Нужно просто немного больше времени. И упорства. С твоей стороны.

— Допустим, у меня получится. И что я буду делать? Грядки пропалывать? Купол поднимать и опускать? Стену охранять?

— Что плохого в этой работе? Мы тут планету терраформируем! Меняем мир вокруг! Это важнее всяких там...

— Ну давай, и ты скажи. Сказочек. Ты, кстати, знаешь, откуда взялось слово «терраформирование»? Оно двусоставное, второй корень от слова «форма», а первый, «терра», по некоторым источникам означает...

— «Земля». Я знаю, Дик. Не ты один знаешь старые легенды. Ты забыл самое главное. Это всего лишь слова. Мне кажется, ты... потерялся. Не тогда в пустыне. Здесь. Может, я зря поощряла эти твои интересы. Легенды — это, конечно, прекрасно... Но за ними ты не видишь того, что происходит прямо здесь и сейчас.

— Без прошлого нет будущего, Анна... Понимаешь, я чувствую, это что-то важное. Оно не здесь. Там.

Анна резко отворачивается, воздух бьет Дика по лицу.

— Может, я тоже хочу путешествовать! Может, мне тоже интересно! Все то, что ты годами рассказывал! Но здесь у меня есть работа. И да, мечта!

— Завидую. Хотел бы я знать, где мое место.

— Тебе уже нашли место, — произносит она с горечью. — Что мешает его занять?

Она уходит, не оборачиваясь. Как он хочет, чтобы она поняла! Анна — первая, чье лицо он увидел тогда, десять лет назад, очнувшись. Ее лицо в обрамлении копны непослушных рыжих волос. Ее улыбка — как солнце, когда оно еще не жжет, а только греет. Она всегда вступалась за него, помогала обуздать тяжелые фермерские машины и учила обходиться с животными. Если бы не она, он бы тут и года не протянул. А теперь он собирается бросить Анну. Оставить позади, как отжитую часть истории, потому что другая история его зовет. Но если быть честным с собой, та история была раньше, и он должен, обязан выбрать ее. Его лишили и этого шанса! Как он может выбрать, если выбора нет?

Дик бредет мимо птичника и кладбища испорченной техники, перед ним вырастает восточная стена — темная, из прочного материала, при ближайшем рассмотрении закрывающая и небо и землю. Дику не нравятся стены. Община спрятана в них, как Карл прячет в коробку

пойманных зверюшек и держит там, пока не издохнут. Это не защита, а тюрьма.

Втайне от взрослых дети играют в «выберись за стену». Кто дальше всех — тот победил. В эту игру, в отличие от прочих, Дика принимали, когда он был маленьким. Там, за пределами, с ним было интересно. Множество подкопов до сих пор спрятано там же, ими пользуются уже другие поколения озорников.

Дик здесь все облазил, когда искал лучшее место, где ловится сигнал межзвездной Сети. Нашел он кое-что другое. Ровно посреди одного из проходов, обрушенного и занесенного песком с другого конца. Выхода наружу там нет, поэтому никто туда не суется. Дик отодвигает старую проржавленную пластину, пролезает внутрь на четвереньках и подтягивает пластину обратно. Глаза какое-то время привыкают к убаюкивающим темноте и тишине. Вперед, ощупывая стену изнутри. Она хранит общину от того, что снаружи, а его единственную тайну прячет в себе. Когда рука проваливается в небольшое углубление, Дик шарит и натывается на сверток. Включает и пристраивает на лоб маленький фонарик. Вытаскивает, разворачивает... и вспоминает, как дышать. Потому что теперь можно, с ней все в порядке.

Десять лет назад, когда его нашли и принесли в дом Штефана, Дик сутки пролежал в позе эмбриона, с такой силой прижимая руки к груди, что хватку не могли разжать двое взрослых мужчин! Когда он пришел в себя, так и не выпустил из рук какие-то грязные тряпки. И только Анна, с ее улыбкой и участием, Анна, которая принесла ему воды и первая услышала его имя, узнала тайну. И сохранила, с одним условием. Позже они стояли у костра одни, без взрослых, сжигая Диковы вещи, и он бросил в костер сверток. Анна

похлопала его по плечу — так надо, — а он боялся посмотреть ей в глаза. Потому что обманул. Он не уничтожил книгу.

Строго говоря, он не нарушил обещания, ведь в общине ее больше нет, она спрятана в стене, между «тут» и «там». Дик приходит сюда, только чтобы проверить ее, убедиться, что с ней все в порядке.

Дик разворачивает несколько слоев тряпья и освобождает книгу. Запах истории. Хрупкость страниц почти жжет пальцы. Он помнит свой страх, когда узнал в школе, что книги убивают. Сначала у тебя выпадут волосы, потом кровь польется из всех отверстий, и, наконец, тебя вытошнит собственными внутренностями. Не это ли случилось с его родной общиной, думал тогда Дик. Они все умерли? А он принес бомбу замедленного действия в другое место? Но тогда... почему он выжил?

— Бумага коварна! — говорил учитель. — Она может прятать смерть очень долго! Как только откроете книгу — дни ваши сочтены!

Но Дик ее открывал не единожды, еще до того, как узнал! Он с ужасом ждал проявления симптомов, но пару недель спустя вдруг понял, что, хотя на фоне остальных детей он не такой крепкий и здоровый, вообще-то умирать не собирается. Тогда, преодолевая страх, он обратил внимание на то, что в книге написано.

Это была история. Но не та, которую рассказывают в школе и в головизоре, не та, что лежит в открытом доступе в Сети... Это была история исхода и великого путешествия. История, откуда-то настолько знакомая, что Дик без труда угадывал, что будет дальше. Словно кто-то уже рассказывал ему об этом или читал... давно, в другой жизни. И еще откуда-то Дик знал, что все в этой книге было на самом деле — как

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru